

Джеймс Хэдли
Чейз

Мэллори

Мартин Корридон

Джеймс Чейз

Мэллори

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Мэллори / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1950 — (Мартин Корридон)

ISBN 978-5-389-15594-7

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедуцию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15594-7

© Чейз Д. Х., 1950
© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	7
III	9
Глава вторая	12
I	12
II	15
III	19
Глава третья	22
I	22
II	25
III	27
IV	29
Глава четвертая	32
I	32
II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джеймс Хэдли Чейз Мэллори

James Hadley Chase

MALLORY

Copyright © Hervey Raymond, 1950

© Б. Белкин, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Глава первая

I

Было далеко за полночь. Темное ноздреватое небо источало капли влаги. Засунув руки в глубокие карманы плаща и надвинув на глаза шляпу, Корридон не спеша шел по Олд-Комптон-стрит. Улицы в Сохо были безлюдны: зарядивший с вечера дождь согнал с тротуаров обычных гуляк.

На углу Олд-Комптон и Фрит-стрит Корридон остановился, чтобы закурить сигарету. Загораживая пламя спички от ветра, он прислушался – не раздастся ли сделанный ненароком шаг, но ничего не услышал. И, кинув быстрый взгляд через плечо, увидел лишь пустынную улицу, унылую и мокрую... Корридон бросил спичку в водосток и свернул на Фрит-стрит.

В течение вот уже двадцати часов у него было впечатление, что за ним следят – причем без каких бы то ни было на это оснований – два или три человека.

В принципе такое случалось не в первый раз. Во время войны за ним охотилось гестапо, сейчас, когда он выполнял определенные поручения, с ним порой хотела встретиться полиция. Благодаря своему чутью Корридону всегда удавалось избавиться от преследователей. Теперь, однако, он просто не представлял себе, кто мог заинтересоваться им до такой степени. Конечно, у него хватает врагов, которые с удовольствием свели бы с ним счеты, но ведь он не прятался, и его очень легко можно было застать дома, вместо того чтобы зря таскаться следом в течение суток. Это обстоятельство интриговало Корридона и действовало ему на нервы.

Желая убедиться, что воображение не сыграло с ним дурную шутку, он намеренно вышел под дождь в надежде заставить преследователей обнаружить себя. И до сих пор ничего не получалось. Корридон возвращался по собственным следам, сворачивал в переулки, крутился на месте, но они оказывались неуловимыми, как привидения.

Неподалеку, в конце Фрит-стрит, находился клуб «Аметист». Туда и решил отправиться Корридон: пускай загадочные враги караулят его на улице. Может, удастся увидеть их из окна... Так или иначе, ожидание под дождем охладит их пыл.

II

Клуб «Аметист» затаился в тупике. Он принадлежал к тем подозрительным заведениям Сохо, где всегда можно найти убежище от чрезмерного любопытства полиции и днем и ночью получить выпивку. Когда-то здесь располагался винный склад, но теперь фасад дома был выкрашен в яркий лимонный цвет, в зале стояли кожаные кресла и покрытые стеклом столы, а вдоль стен красовались запыленные зеркала. За стойкой бара хозяйничал Зани – огромный, напомаженный, мрачный и опасный.

Зани, владелец клуба «Аметист», не брезговал ни одним из тех дел, которыми промышлял Сохо. Гигантского телосложения, темноволосый, с негроидными чертами лица, он напоминал Корридону злодея из фильма ужасов или уродца из коллекции монстров. Костюм, сшитый у лучшего портного, белая рубашка, галстук в крупный горошек и огромный бриллиант на мизинце левой руки шли ему как горилле смокинг.

В зале находилось человек двадцать мужчин и женщин, и все повернулись, когда Корридон начал спускаться по ступенькам, ведущим из вестибюля в бар. Подозрительные взгляды провожали его сквозь клубы табачного дыма. Шум голосов затих. Военного покроя плащ, который носил Корридон, его широкие плечи и манера держать голову не внушали завсегдашам доверия. Клиентуре бара было ясно, что вновь прибывший не принадлежит к их миру, хотя он и не полицейский.

Корридон с полным безразличием к вызванному им тихому переполоху уверенно направился к стойке.

– Говорили мне, что ты здесь, – сказал Зани, протягивая ему огромную лапищу, – но я не верил, думал – басни. На твоём месте я бы в эту паршивую страну не возвращался.

– За меня не беспокойся, – ответил Корридон, делая вид, будто не замечает протянутой руки. – Стаканчик виски, если он у тебя не отравлен.

В противоположном конце помещения маленький худенький человек в клетчатой красно-белой рубашке и серых фланелевых брюках играл на рояле с профессиональной виртуозностью.

– Никакого яда, – процедил Зани с застывшей улыбкой. – Напитки – экстра-класс. Вот, попробуй. – Он придвинул к Корридону стакан и бутылку. – Ты вроде был в Штатах?

– Да, но мне надоело. Решил сменить обстановку.

Зани с понимающим видом подмигнул:

– Ходят слухи, что там въедливая полиция, а?

– Не удивлюсь, если однажды кто-нибудь заткнет тебе пасть твоей же бутылкой...

Улыбка Зани погасла.

– Ладно, ладно, шучу... Как твои дела?

– По-всякому, – осторожно ответил Корридон. – Мною никто не интересовался?

– Нет. Тебя так долго не было... – Зани пожал плечами, с любопытством разглядывая Корридона. – Чем собираешься заняться?

– Не лезь, куда не просят. Чем меньше будешь знать, тем меньше расскажешь своим друзьям... Кстати, ты не видел Роулинса? Он, часом, не спрашивал обо мне?

– Заходит иногда, – безразлично проговорил Зани. – Но о тебе ни гугу. Он пошел в гору после твоего отъезда – стал старшим инспектором. Учти.

Значит, следит за ним не полиция. Мало кто знал, что Зани осведомитель, но для Корридона это не было секретом.

– Кто-то мной интересуется. Следят целый день.

– Ну и что? Гестапо охотилось за тобой два года, однако, как мне кажется, они ни разу тебя не поймали.

– Один раз поймали, – сказал Корридон, и его лицо помрачнело. – Но оставим это. Сейчас мне надо выяснить, что происходит. У тебя нет никаких соображений на этот счет?

– У меня? При чем тут я? Я ничего не слышал и ничего не знаю...

Корридон пытливо заглянул в темное лицо мулата, затем пожал плечами:

– Ладно, продолжай оставаться в неведении. – Он допил виски, расплатился и встал с табурета. – Я немного посижу у тебя. На улице льет как из ведра.

– Чувствуй себя как дома!.. Девочка нужна?

– Я слишком стар для подобных развлечений.

Корридон цинично улыбнулся и небрежной походкой направился к роялю.

– Привет, Макс, – сказал он пианисту.

Тот продолжал играть и ответил, не разжимая губ:

– Привет.

Корридон не сводил глаз с танцующих пальцев исполнителя, его лицо выражало вежливое внимание. Можно было подумать, что его заинтересовала музыка.

– Что-нибудь знаешь, Макс?

Макс начал играть «Ночь и день».

– Тебя спрашивала одна милашка, – произнес он, все так же не шевеля губами. – Дня три назад приходила сюда с Крю.

Корридон стряхнул с сигареты пепел и продолжал глядеть на бегающие пальцы пианиста.

– Кто такая?

– Понятия не имею. Похожа на иностранку, молодая, темноволосая, с большими глазами. Зовут Жанна. Мне показалось, что Крю ее боится...

– Чего она хотела?

– Спросила меня, где ты живешь и вернулся ли ты в наши края. На оба вопроса я ответил «нет».

Корридон кивнул:

– Это все?

– Она еще сказала, что если я извещу Крю о твоём появлении, то получу пять фунтов.

Корридон вскинул брови:

– Видно, придется мне поговорить с Крю.

– Ты еще заглянешь к нам?

– Наверное. Во всяком случае, спасибо, Макс. За мной не пропадет.

– Я не об этом, – возразил пианист. – Эффи была бы рада тебя видеть.

Корридон широко улыбнулся:

– Кстати, как она поживает?

– Совсем взрослая стала. Фигурка, как у Грейбл, сам заглядываюсь. Ты ее просто не узнаешь.

Корридон вытащил из кармана пятифунтовую банкноту, скомкал ее и незаметно уронил на клавиши.

– Продолжай помалкивать, дружище, – сказал он и удалился.

III

Крю... За четыре года Корридон совсем забыл его. Из недр памяти выплыл образ высокого мужчины с длинными светлыми волосами и неизменной красной бутоньеркой в петлице костюма.

Личность Крю всегда была немного загадочной. Никто не знал источников его доходов. Одни говорили, что он живет за счет женщин, другие – что он осведомитель, третьи, более умные, предпочитали молчать. Крю нигде не работал, но часто с наступлением ночи шатался по Пикадилли или по шикарным барам в районе Лейстер-сквер. Иметь с ним дело Корридону довелось только один раз, за покером. Корридон выигрывал – пока в игру не вошел Крю. После этого фортуна отвернулась. На третьей сдаче Корридон заметил, что Крю жульничает, и разбил о его голову бутылку из-под пива.

Кто знает, думал Корридон, вдруг тот затаил на него обиду. Сам он не представлял себе такого, чтобы четыре года таить злобу, и это казалось ему диким, но бывают же мстительные люди... Если Крю хочет поквитаться, он может быть опасен. У него явный талант лезть в чужие дела.

«Но кто эта девушка?» – спрашивал себя Корридон, сидя за угловым столиком со стаканчиком виски. Кто эта похожая на иностранку брюнетка с большими глазами?.. Тщетно он рылся в своей памяти, вспоминая знакомых женщин, – ни одна из них не подходила под описание. Было время, когда женщины играли значительную роль в его жизни, однако теперь Корридон совсем ими не интересовался. Военные невзгоды показали ему, что без всего лишнего следует обходиться.

Он встал и вновь подошел к бару.

– Наверху, наверное, есть комната, из окна которой видна улица? – спросил Корридон, опираясь всем телом на стойку.

– И что же? – подозрительно произнес Зани.

– Я хочу посмотреть на улицу.

– Хорошо, – ответил наконец Зани. – Комната Эффи. Она еще не спит. Я позову ее.

Он открыл дверь позади стойки, громко свистнул и прокричал:

– Эй, Эффи, поди сюда! – Потом, повернувшись к Корридону, спросил: – Для чего тебе улица?

– Не суй нос в чужие дела, – сухо проговорил Корридон. – И затихни, ты начинаешь меня раздражать.

– Разве я не имею права задать такой простой вопрос?

– Заткни пасть, – оборвал Корридон. – Ты слишком много болтаешь.

В дверь позади стойки вошла Эффи. Когда Корридон видел ее в последний раз, ей было пятнадцать – маленькая, неуклюжая девочка, тихая, худенькая, с неоформившейся фигуркой. У Корридона перехватило дыхание – она невероятно изменилась за три года. Если бы не ее отталкивающая заячья губа, девушка была бы по-настоящему красива.

При виде Корридона кровь бросилась ей в лицо, ее глаза заблестели.

– Здравствуй, Эффи. Ты еще не забыла меня? – спросил он с напускным равнодушием.

Он знал, что был ее кумиром, и отвечал ей чуть иронической симпатией. Шесть лет назад Зани обнаружил Эффи на улице у дверей своего клуба. Так как девочка отказывалась говорить о своих родных и о своем прошлом, было ясно, что она убежала из дома. Это несчастное маленькое создание, умирающее от голода, грязное, с двумя большими зубами, видневшимися под заячьей губой, вызывало жалость. Зани требовалась кухарка. Он предложил девочке остаться и с тех пор нещадно ее эксплуатировал – как и всех, кого только мог.

– Добрый вечер, мистер Корридон, – тихо промолвила она.

Зани криво усмехнулся при виде ее смущения. Влюбленность Эффи его забавляла.

– Поднимись вместе с ним в свою комнату и дай ему посмотреть в окно, или уж куда там ему приспичило.

Следуя за Эффи, Корридон попал в тускло освещенный коридор. Как только дверь за ними закрылась и не стало слышно музыки и голосов, он поймал руку девушки и притянул ее к себе.

– Ну, ты довольна, что видишь меня? Конечно, можешь возражать, но держу пари, что ты и не вспоминала обо мне!

– О, напротив! – с жаром воскликнула она. – Я никогда не смогу вас забыть! Клянусь! Просто я потеряла надежду увидеть вас вновь.

– И ошиблась... Мне не хватало тебя, Эффи. – Корридон рассматривал девушку, держа ее за руку, и, к собственному удивлению, неожиданно понял, что в самом деле скучал. – Ты изменилась, словно в сказке... Честное слово, да ты красавица!

Эффи нерешительно освободила свою руку и поднесла ее к уродливой губе.

– Не надо так говорить... Это неправда.

– Ты про губу? Это же мелочь, ерунда. – Внезапно в голову ему пришла мысль, и, не думая о последствиях, он выпалил: – Я знаю хирурга, который все сделает. Ты будешь довольна. Как только у меня появятся деньги, мы этим займемся. Тебе не придется долго ждать: месяц, от силы два.

Корридон тут же пожалел о своем легкомыслии. Он всегда поддавался диким порывам. Не позже чем на прошлой неделе, к примеру, дал пять фунтов старушке, которая продавала цветы, – для того лишь, чтобы увидеть ее лицо в момент, когда она обнаружит свое богатство. В тот же вечер возле театра на Странде он заметил бедно одетую пару, тоскливо разглядывавшую фотографии актеров. Он купил им два билета в партер и удалился, широко улыбаясь при виде двух ошеломленных лиц. Но на этот раз ему нельзя было поддаваться!.. Благодарность и преданность, которые он читал в глазах Эффи, увеличивали его смятение. Корридон вспомнил, что девушка всегда безоговорочно верила ему. Во время войны, когда его часть квартировалась в Лондоне, он часто коротал свободные часы в клубе и всегда заглядывал на кухню, чтобы поболтать с Эффи, помогая ей мыть посуду. Он делал это из жалости, а также потому, что гордился своим милосердием. Но все обернулось неожиданно: Корридон обнаружил, что всерьез нуждается в Эффи, вернее, в ее обожании. Как-то она призналась ему, что каждый вечер молит Бога, чтобы с ним ничего не случилось; тогда Корридон лишь посмеялся над ней. Но, как ни странно, именно мысль о том, что за него молятся, поддерживала Корридона, когда он попал в лапы гестапо. Эта девочка была единственным человеком на свете, который безраздельно верил ему... А какой мужчина может без этого обойтись? Какой мужчина не испытывает потребности быть любимым? Корридон мог сколько угодно посмеиваться над ее молитвами, но рано или поздно он должен был привязаться к ней. Доверие этого юного существа будило в его душе почти забытые чувства.

Эффи смотрела на него напряженно, с преданным самоотречением собаки, которая видит возле себя кость, но не может ее достать.

– Месяц или два! О нет, невозможно!..

– Точнее не скажу. Все зависит от того, когда у меня будут деньги.

Корридон произнес это с некоторым раздражением, очень недовольный собой. Сколько же может стоить подобная операция? Сто фунтов, двести? Он не имел ни малейшего понятия. Надо быть сумасшедшим, чтобы дать такое обещание! Но слово вылетело, теперь уже не откажешься.

Эффи заметила нотку досады в его голосе.

– Вам самому нужны деньги. А мне не к спеху, поверьте. С вашей стороны очень любезно предложить такую помощь, – сказала она.

– Ладно, ладно, поглядим, – ответил Корридон. И неожиданно почувствовал радость. Он действительно в силах ей помочь, хоть как-то отблагодарить ее за молитвы. – Пошли, проводишь меня наверх. Об этом поговорим в другой раз.

Довольная тем, что Корридон улыбнулся, девушка проворно взбежала по лестнице. Корридон поднимался медленнее.

«Я в лепешку разобьюсь, – думал он, – но сдержу обещание. Она этого стоит».

– Сюда, – сказала Эффи, открывая дверь.

Комната была маленькая и темная. Корридон тут же наткнулся на кровать.

– Не включай свет, – быстро предупредил он. – Мне надо кое-кого высмотреть.

– Кого? – с беспокойством спросила девушка.

– Вот это я и хочу узнать.

Из окна открывался вид на Фрит-стрит. Улицу освещал фонарь, но никого не было видно. Корридон, не шевелясь, стоял несколько минут, напряженно всматриваясь в ночной мрак.

– Они наверняка здесь, – проворчал он сквозь зубы.

Он открыл окно и высунул голову; на лицо стал капать холодный дождь. Ниже окна находилась покатая крыша.

– Что вы делаете? – вскричала Эффи, когда Корридон перекинул ноги через подоконник.

– Хочу посмотреть поближе.

– Но вы упадете! – Девушка схватила его за руку. – Не надо! Говорю вам, вы можете упасть!

– Ерунда! – нетерпеливо бросил Корридон. – Не беспокойся, я привык к таким упражнениям.

Одной рукой держась за подоконник, он стал скользить по выступу, пока не нашарил водосточную трубу. Эффи показалось, что он сейчас упадет. Не в силах наблюдать за ним, она отвернулась от окна и спрятала лицо. Корридон был поражен, увидев ее отчаяние.

Черепицы были мокрыми и скользкими. Если он поскользнется, если водосточная труба не выдержит его тяжести, он полетит вниз головой. Но мысль о смертельной опасности не остановила его; он просто не думал об этом. Корридон хотел добраться до кирпичной стены соседнего дома – оттуда будет видна вся улица.

Водосточная труба угрожающе затрещала, но он уже достиг цели. Взглянув вниз, Корридон убедился в правильности своего предположения: Фрит-стрит была как на ладони, и он стал методично осматривать каждую дверь, каждый закоулок, надеясь заметить какое-нибудь движение или огонек сигареты, которые могли бы выдать затаившихся преследователей.

Он долго оставался неподвижным, забыв про дождь и холод, но ничего не обнаружил. Ноги его окоченели, руки с трудом держались за трубу. Глаза Корридона привыкли к темноте, и наконец его терпение было вознаграждено: в глубине одного из дверных проемов колыхнулся едва уловимый силуэт человека. Проехавшее мимо такси на секунду осветило невысокого мужчину в застегнутом до самого подбородка плаще и в черном берете военного образца, сдвинутом набок.

Корридон ни минуты не сомневался, что это один из тех, кто целый день ходил за ним по пятам. Он никогда не видел этого человека и не знал, что заставляет его, несмотря на холод и дождь, часами караулить на улице. И был совершенно уверен, что преследует его не одиночка. Скорее всего, девушка, которую Крю приводил в клуб, тоже член этой шайки.

Карабкаясь назад в комнату Эффи, Корридон решил не обращать больше внимания на типа в черном берете. Объяснения загадки он добьется у Крю.

Глава вторая

I

На следующий день, около десяти часов утра, Корридон стоял перед дверью квартиры Крю.

Он провел ночь в «Аметисте», устроившись в кресле и задрав ноги на стол, глухой к протестам Зани, который уговаривал его вернуться к себе домой. На заре он вновь вылез на крышу, но человека в черном берете не обнаружил. Из соображений безопасности Корридон покинул клуб, перемахнув через заднюю стену на боковую улочку. Он доехал на такси до Чаринг-Кросс-роуд, зашел в парикмахерскую и побрился. Потом позавтракал в маленьком кафе, где просидел довольно долго, попивая кофе и перелистывая газеты. Мужчина в черном берете не появлялся. Наконец Корридон решил покинуть кафе и с час плутал по переулкам. Убедившись, что слежки нет, он направился к цели.

Четырехкомнатная квартира Крю находилась этажом выше табачной лавки на маленькой грязной улочке возле театра Друри-Лейн. Чтобы попасть к нему, нужно было пройти мимо двух вонючих мусорных ящиков, загораживавших вход, и подняться по лестнице до тускло освещенной площадки.

По тому, как Крю вел себя в лучших домах Уэст-Энда и как он одевался, его можно было принять за дипломата или за светило медицины с Харли-стрит – конечно, специалиста по женским болезням. У него был изысканный респектабельный вид, а говорил он с уверенностью светского льва, чем всех вводил в заблуждение. Его считали состоятельным человеком, однако все его богатство заключалось в располагающей внешности, аристократических манерах да в ловкости пальцев.

Крю специализировался на карманных кражах, о чем не подозревал даже Корридон, знавший Уэст-Энд как собственный кошелек. Крю безумно боялся полиции и возможного ареста, поэтому выбирал свои жертвы очень тщательно, удостоверившись сперва, что риск стоит того. Он мог украсть часы с руки собеседника, вытащить толстый бумажник, засунутый в карман пиджака под плащом, извлечь запонки из манжет, а его жертве и в голову бы не пришло, что это сделал он. Снять кольцо или брошку, открыть женскую сумочку и поживиться деньгами было для него детской забавой.

Когда Корридон подошел к квартире Крю, дождь уже кончился. Робкие лучи солнца еще более подчеркивали грязь и запустение улицы. Корридон был удивлен. В его представлении всегда элегантный, гладко выбритый и чуть надменный Крю просто не мог жить в такой дыре. Он даже остановился на минуту перед табачной лавкой, решив, что Зани дал ему неправильный адрес. Никто не обращал на него внимания. Вдоль тротуара выстроилась длинная вереница грузовых и легковых автомобилей.

Зани предупредил, что квартира находится над табачной лавкой, а других табачных лавок на улице не было. Увернувшись от человека, который, разгружая грузовичок, шел прямо на него с мешком картофеля, Корридон поднялся на верхний этаж и прислушался, но гомон с улицы заглушал все шумы в доме.

Он властно постучал и приложил ухо к двери. Долго стояла тишина, затем послышалось движение, лязгнул замок, дверь приоткрылась, и показалось лицо Крю.

Корридон не видел его четыре года, но время мало изменило ловкого карманника. Разве что он немного похудел и облысел да в уголках глаз образовались морщинки. Но в целом это был тот самый лощеный Крю, которого Корридон однажды гвозданул бутылкой.

При виде посетителя Крю судорожно дернулся, рванулся назад и попытался захлопнуть дверь, но Корридон успел просунуть в щель ногу.

– Привет. Не ожидал меня увидеть?

Рот Крю был полуоткрыт, он шумно дышал. В его глазах притаился ужас.

– Я не могу вас сейчас принять, – дрожащим голосом проговорил он. – Вы пришли неудачно.

Корридон саркастически улыбнулся, с силой толкнул дверь, вынудив Крю попятиться, и вошел в маленькую прихожую.

– Не забыл меня?

Его взгляд выразительно остановился на белом шраме на лбу Крю.

– Корридон, если не ошибаюсь? – спросил Крю с нерешительной улыбкой. – А я как раз собрался уходить – деловое свидание. – Он посмотрел в холодные серые глаза Корридона и стал теревить пальцы, потом неожиданно сунул руки в карманы брюк. – Я... я должен извиниться. Встретимся как-нибудь в другой раз.

Крю соорудил странную гримасу, пытаясь держаться непринужденно. Это ему плохо удалось: было заметно, что он чего-то страшно боится. Корридон огляделся. Его удивила роскошная ваза с желтыми и красными тюльпанами.

– Я вижу, эта царапина у тебя до сих пор не прошла, – произнес он, показывая пальцем на лоб. – И что-то мне подсказывает, что вскоре у тебя будет еще одна.

Крю сделал шаг назад и уперся в стену, с ужасом глядя на Корридона.

– Чего вы хотите?

Он больше не улыбался. Вся его уверенность исчезла, на лице появилось трусливое выражение.

– Ты один? – спросил Корридон.

– Да... Но вам лучше не трогать меня. – С него градом катил пот. – Мой адвокат...

Крю замолчал, поняв, сколь абсурдно говорить об адвокате с человеком, подобным Корридону.

– Вам лучше не трогать меня, – повторил он.

– Проходи, – велел Корридон. – Поговорим.

Крю неохотно повиновался. Корридон проследовал за ним в комнату и закрыл за собой дверь. Он никак не ожидал увидеть такое уютное, светлое, со вкусом обставленное помещение. Повсюду стояли вазы с тюльпанами и нарциссами, воздух был пропитан ароматом цветов.

– Во всяком случае, ты знаешь, что такое комфорт, а? – восхитился Корридон, присаживаясь на подлокотник большого кресла. – У тебя здесь очень недурно!..

Крю, прислонившийся к дивану, казалось, сейчас упадет в обморок. Корридон внимательно посмотрел на него. Он никак не мог понять, чего так боится этот человек – отнюдь не робкого десятка. Даже когда Крю уличили в мошенничестве, он вел себя спокойно и самоуверенно. Именно эта наглость и заставила Корридона ударить его.

– Что с тобой? – резко спросил он. – Чего ты дрожишь?

Крю издал какой-то нечленораздельный звук и в конце концов выдавил:

– Ничего, со мной ничего...

– Ты словно боишься, – произнес Корридон, не спуская с него глаз. – Но раз говоришь, что ничего, значит ничего. – И вдруг добавил, понизив голос: – Кто такая Жанна?

В комнате повисло гробовое молчание, нарушаемое только громким тиканьем стоявших на камине часов и прерывистым дыханием Крю. Его губы конвульсивно вздрагивали.

– Еще раз спрашиваю: кто такая Жанна – девушка, которую ты приводил в клуб три дня назад?

– Уходите, – пролепетал Крю. – Если вы не оставите меня в покое, я вызову полицию.

– Не будь идиотом.

Корридон вытащил из кармана пачку сигарет, закурил, а спичку швырнул в камин.

– Девица расспрашивала обо мне Макса. А это, представь себе, меня интересует. Кто она?

– Неправда, – выдавил Крю. – Она тебя не знает и никогда не видела. – Он потянул пальцами за воротник, который стал ему тесен. – С чего ты взял, что она о тебе спрашивала? Это неправда.

– Ну ладно, не имеет значения... Кто она такая?

Поведение Крю интриговало Корридона. У него был испуганный вид, но Корридон понял, что боится он не его.

– Ты ее не знаешь, – сказал Крю. – Это одна моя знакомая. Какое тебе до нее дело?

Корридон выпустил кольцо дыма и проследил за ним взглядом.

– Хочешь, чтобы я тебя ударил? – беззаботно спросил он. – Так и будет, если ты не заговоришь.

Крю замер и весь сжался, озираясь по сторонам. Затем быстро кинул взгляд через плечо на дверь в глубине комнаты. Его глаза перебежали от этой двери к Корридону, будто стараясь намекнуть ему на что-то.

– Лучше не трогай меня, – еще раз повторил он дрожащими губами.

И снова посмотрел на дверь, словно желая показать, что в квартире не один. Корридон в свою очередь перевел взгляд с двери на Крю, подняв брови. Крю закивал, как иностранец, наконец-то сумевший объясниться жестами, и с комичной серьезностью приложил палец к губам.

– Расскажи мне о Жанне, – сказал Корридон, спокойно поднимаясь со своего места.

– Что тебе рассказать? – Испуганный взгляд вновь устремился к двери. – Просто знакомая...

– Что там, за этой дверью? – прошептал Корридон, бесшумно подойдя к Крю. Он видел капельки пота на лице Крю, чувствовал запах бриллиантина от его волос. – Чем она занимается? Откуда она взялась? – потребовал он громким голосом.

Крю поднял три пальца, указывая на дверь.

– Я ничего о ней не знаю. Мы познакомились на улице... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Симпатичная брюнетка.

– Их трое? – прошептал Корридон.

Крю кивнул. Он начал приходить в себя, понемногу к нему возвращалась уверенность.

– А с маленьким типом в черном берете ты, случайно, не знаком?

Весь появившийся было апломб Крю моментально исчез, ноги его подогнулись, будто Корридон ударил его в живот.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – с трудом пролепетал он и вдруг в припадке отчаяния стал орать: – Убирайся! С меня достаточно! Ты не имеешь права врываться ко мне! Вон отсюда! Я не желаю тебя видеть!

Корридон расхохотался.

– Им, должно быть, это все уже надоело, да и мне тоже, – презрительно проговорил он и, повысив голос, закричал: – Выходите вы, трое! Я знаю, что вы здесь.

Крю повалился в кресло; казалось, он не дышит. Потом, видя, как открывается дверь, он с шумом втянул в себя воздух и застыл. Держа в руке автоматический маузер, в комнату вошел человек в черном берете.

II

Корридону не первый раз угрожали оружием. В таких обстоятельствах он делался нервным и злым, потому что знал, с какой легкостью любой болван может продырявить тебе живот – добровольно или по приказу. Среди людей, которые наставляют оружие, встречаются такие, которые не собираются жать на курок, но есть и иные – те, кто только и ждет случая выстрелить.

Мужчина в черном берете принадлежал к категории лиц, готовых стрелять по любому поводу. Корридон убедился в этом, заглянув в сумрачные и горячие глаза своего противника. Для такого типа человеческая жизнь – все равно что пятно на старом плаще или грязь под ногтями. Маузер служил не просто угрозой – он был предвестником смерти.

– Только не шевелитесь, друг мой, – проговорил тип в черном берете.

По легкому акценту Корридон понял, что перед ним поляк. Он перевел взгляд с пистолета, нацеленного ему прямо в сердце, на дверь. Там стояла темноволосая девушка с высокой полной грудью, одетая в черный свитер и в черные же брюки. Большие черные печальные глаза плохо гармонировали с ярко накрашенными губами; на лбу виднелся длинный шрам. Ноги у нее были длинными, бедра – узкими, и вся ее фигура производила впечатление мальчишеской, пока взгляд не останавливался на ее груди. Особое внимание привлекали глаза – твердые и безжалостные, закаленные в ненависти и страданиях, в битвах и горечи.

– Привет, Жанна, – сказал Корридон, широко улыбаясь. – Разве нельзя обойтись без оружия?

– Садитесь, пожалуйста, и не вздумайте размахивать руками, – произнесла девушка холодным голосом. – Мы хотим с вами поговорить.

Корридон продолжал улыбаться, но губы его застыли. Он кинул быстрый взгляд на Крю, чьи испуганные глаза не отрывались от пистолета.

– Для того вы и следили за мной все это время? – поинтересовался Корридон. – То-то я смотрю, люди вы робкие...

– Прошу вас сесть, – твердо повторила девушка.

Человек в черном берете указал пистолетом на кресло.

– Туда, – сказал он.

Корридон пожал плечами и сел.

На пороге открытой двери показался третий тип – высокий, худой и однорукий. Шрам пересекал его лицо и терялся под черной повязкой, закрывавшей левый глаз.

– Все в порядке? – спросил он у девушки. – Я бы хотел заняться делом, если мое присутствие здесь необязательно.

Никакого сомнения: этот человек был англичанином, причем вышел, скорее всего, из хорошей семьи, получил университетское образование и, безусловно, руководил всей этой группой. Он был настоящим джентльменом, и его вид лишь подчеркивал фальшивую элегантность Крю. Скромный твидовый костюм, короткие светлые ухоженные усы, платок, выглядывающий из карманчика...

– Да, – ответила девушка. – Но хорошо, если бы ты забрал с собой этого... – Она махнула рукой в сторону Крю. – Он будет нам мешать.

– Разумеется. – Однорукий сделал знак: – Пошли.

Он говорил таким тоном, будто привык, что все его слушаются. Пока Крю еле-еле волочил ноги, взгляд однорукого перенесся на Корридона, и его лицо осветилось улыбкой.

– Пожалуй, нам пора представиться, – произнес он и указал на молодую женщину: – Жанна Персиньи. Человек с пистолетом – Ян, выговорить его фамилию просто невозможно. Я – Ренли, Найджел Ренли. Будьте добры выслушать то, что вам хочет сказать Жанна. Я прошу прощения за пистолет: суровая необходимость – у вас репутация опасного человека. Ян не

горит желанием ссориться с вами, да и я был бы огорчен, если бы вам пришла в голову мысль швыряться мебелью... Ну вот, я высказался, а теперь мне нужно уходить. Остальное узнаете от Жанны. – Он кивнул в сторону удалившегося Крю. – Этот господин не с нами. Случай свел нас вместе. И не знаю, кто больше об этом сожалеет... Скорее, все-таки мы.

Улыбнувшись на прощание, Ренли вышел, закрыв за собой дверь.

Корридон снял шляпу и пригладил огненно-рыжую шевелюру, благодаря которой в отряде особого назначения его прозвали Кирпич. Такие, как он, всегда привлекают женщин. У него было тяжелое лицо с квадратным подбородком, твердым ртом и чуть свернутым набок носом. Серые колючие глаза и саркастическая улыбка отпугивали многих. Выделялся он скорее мускулами и силой характера, чем добродушием, но иногда на него накатывала сентиментальность, отчего Корридон очень смущался.

Сидя в кресле и глядя на девушку и Яна, он признался себе, что не имеет ни малейшего понятия о смысле происходящего. Оба эти человека напоминали Корридону людей, с которыми ему приходилось иметь дело во Франции во время войны: фанатиков Сопротивления, стрелявших не раздумывая. Однорукий был совсем другой породы. «Странно, – думал Корридон, – что их связывает?» Ренли понравился ему. Он встречался с подобными людьми: смелыми, решительными, надежными, которые делали дело скромно и тихо, не выставя напоказ свою храбрость.

Девушка придвинула стул с прямой спинкой и села за стол напротив Корридона. Ян стоял как статуя: не шелохнувшись и не отведя маузера.

– Вы не могли бы ответить на несколько касающихся вас вопросов? – спросила девушка, положив руки на стол и пристально глядя на Корридона.

– А почему я должен отвечать на ваши вопросы? – возразил Корридон. – Что все это означает? За кого, черт побери, вы меня принимаете?

Не забывая об оружии, он нарочно пытался вывести ее из себя, но лицо девушки окаменело.

– Нам необходим человек для одного поручения... строго конфиденциального. – Жанна говорила по-английски без акцента, но иногда ей приходилось подыскивать слова. – Только предварительно мы должны убедиться, что вы именно тот человек, который требуется. Нам нельзя допустить ошибку.

– Плевал я на все поручения! Зря тратите время.

– Разве вам не нужны деньги? Работа будет хорошо оплачена.

Корридон саркастически улыбнулся:

– Что значит «хорошо»?

Они смотрели друг на друга, и Корридон подумал, что их разделяет не просто стол, а целая пропасть. Непреодолимая пропасть. Этому не было логического объяснения – говорила интуиция. В девушке чувствовалась жестокость – такая жестокость, которая совершенно исключает жалость, любовь, сердечность. Несмотря на всю ее красоту, Корридону никогда бы не пришлось в голову ухаживать за ней – она была сексуальна как манекен. Оставалось лишь догадываться, какая жизнь превратила ее в камень.

– Возможно, тысячу фунтов, – спокойно произнесла Жанна.

Он посмотрел на одежду молодой женщины, на старый и грязный плащ Яна и ответил, смеясь:

– Вот именно – «возможно»!

– Я сказала: тысячу фунтов. Половину сейчас, половину после окончания работы.

Корридон понял, что она не шутит, и это его удивило. Тысяча фунтов – огромная сумма!

– О какой работе идет речь?

– Вы готовы ответить на несколько вопросов, подтверждающих вашу личность? – снова спросила Жанна.

Она была спокойна и уверена в себе, словно привыкла покупать и добиваться.

– Смотря какие вопросы.

Корридон лучезарно улыбнулся, показывая, что первый раунд за ней. К тому же вся эта загадочная история его искренне заинтриговала.

– Вы действительно Мартин Корридон, холостяк, тридцати трех лет?

– А что, с виду не скажешь?

Он поскреб подбородок и посмотрел на Яна. Поляк не сводил с него глаз, но, по крайней мере, опустил пистолет.

– У вас никогда не было постоянной работы, – продолжала девушка. – Вы занимались всевозможными гешефтами и мошенничествами. Начали в семнадцать лет: обслуживали игральные автоматы в публичных домах. Потом стали боксером, выступали на ярмарках. Между двадцатью тремя и двадцатью пятью годами вы били баклуши, зарабатывая себе на жизнь игрой на бильярде. Позднее устроились гидом, возили американских туристов в Париж и Берлин, свободно говорите по-французски и по-немецки. Когда вся эта кутерьма вам надоела, вы стали телохранителем одного американского миллионера, который возомнил, что его собираются убить... Я не ошибаюсь?

– Кое-какие мелочи вы пропустили, но в общем все верно. Продолжайте, – сказал Корридон, порядком удивленный.

– Сейчас перейдем к мелочам. – Некоторое время Жанна молчала, глядя вниз на свои руки, потом резко вскинула голову. – В тридцать восьмом году некое лицо, связанное с Министерством иностранных дел, поручило вам похитить у посла могущественной державы документы огромной важности, предупредив, что в случае неудачи никакой помощи со стороны официальных властей не последует. Вы согласились – за триста фунтов. И у раскрытого сейфа вас застал секретарь посольства... Пришлось его убить.

Жанна сделала паузу и вновь посмотрела на свои руки.

Корридон рассеянно потер подбородок. Можно было подумать, что он не слушает.

– Вам удалось ускользнуть от преследования и передать документы по назначению. В течение двух месяцев полиция, не зная, что вы работаете на Министерство иностранных дел, не спускала с вас глаз – в надежде, что вы себя выдадите. Но вы были осторожны. Им так и не удалось получить достаточно доказательств, чтобы отправить вас за решетку. Верно?

Корридон беспечно улыбнулся.

– В тридцать девятом году вы стали агентом британской секретной службы и объехали всю Европу, собирая информацию о подготовке немцев к войне. В Германии вас «засветила» полиция, и вы вернулись домой. Дело, которое вам затем предложили, вы не приняли и со службой в разведке порвали. Когда началась война, вы пошли в армию. После ранения в Дюнкерке – в составе отряда особого назначения, отряда коммандос. Тоже верно?

– Продолжайте, если не лень. У вас недурно получается, – усмехнулся Корридон, удобнее устраиваясь в кресле.

– Вы совершили несколько рейдов в тыл противника, – помолчав, сказала Жанна. – Потом вам поручили более опасное дело: вы стали шпионом.

При слове «шпион» Корридон сжал губы, нахмурил брови и посмотрел на потолок. Даже теперь, спустя два года, он не любил вспоминать об этом.

– Вас много раз сбрасывали на парашюте во Францию и в Германию. Вы собирали ценные сведения, но в основном ваша миссия заключалась в ликвидации некоторых нежелательных лиц: двойных агентов, фашистских ученых, некоей женщины, которая выпытывала у пленных информацию, иначе недоступную... Вы успешно находили этих людей и уничтожали их.

Слушая холодный и твердый голос Жанны, Корридон воскрешал в памяти прошлое. Женщина, которая заставляла пленных говорить... Она была прекрасна – миниатюрная, с нежной кожей и большими глазами. Стоило ей обнять вас, и кровь начинала бурлить в жилах...

даже если вы знали, что это подлое создание, чье тело служит лишь приманкой... Перед мысленным взором Корридона ясно возникло ее лицо, каким оно было, когда женщина поняла, что он собирается ее убить: лицо, сквозь красоту которого мгновенно проступили подлость, продажность, трусость. Корридон выстрелил ей в рот, и пуля крупного калибра разнесла голову...

От воспоминаний его лоб покрылся испариной, сердце заколотилось. Это привело его в чувство. Корридон шевельнулся и посмотрел на девушку злыми глазами.

– Однажды гестапо вас поймало, – продолжала она. – Вас пытали, требуя, чтобы вы выдали товарищей и раскрыли свое задание. Но, несмотря на пытки, вы ничего им не сказали. Вам удалось бежать как раз в тот момент, когда союзники вошли в Германию. Четыре месяца вы провели в госпитале – залечивали раны, полученные в гестапо.

– Достаточно, – оборвал Корридон. – Чего вы от меня хотите? Что кроется за всем этим? Оставьте в покое мои личные дела, иначе я уйду отсюда.

– Еще немного, прошу вас. Это необходимо. После войны, не найдя себе подходящего занятия, вы уехали в Штаты и там провели год, подрабатывая контрабандой. Американской полиции не понравилась ваша деятельность, но вам удалось ускользнуть от нее. Вот уже неделю вы в Лондоне, без гроша в кармане. Куда приложить свои силы, вы пока не знаете. Развлекаетесь понемногу, вымогая деньги у рэкетиров, но даже эти гангстеры находятся под покровительством полиции. Мы предлагаем вам сделку... Работу, которая принесет вам тысячу фунтов.

III

Вошел Ренли, держа руку в кармане. Он кинул быстрый взгляд на Корридона, потом небрежной походкой приблизился к Жанне.

– Ну как дела? – спросил он с ободряющей улыбкой. – Мы немало о вас знаем, не правда ли?

– Если у вас уйма свободного времени, вы сможете собрать еще множество других сведений, – сухо возразил Корридон.

Он сунул руку в карман, и Ян сразу наставил на него свой пистолет.

– Вынимайте руку – только медленно, – проговорил поляк напряженным голосом.

– Ради бога! – пожал плечами Корридон, доставая из кармана пачку сигарет. – Я вообще все делаю медленно.

– Убери оружие, – велел Ренли Яну.

– Не уберу, – ответил тот. – Я ему не доверяю. Ты можешь думать, что хочешь, но я останусь при своем мнении.

– Есть еще один вопрос, который мы должны задать вам, прежде чем расскажем, в чем будет заключаться ваша работа, – сказала девушка, не обращая внимания на Яна.

– Повторяю, у меня нет к нему доверия... – вновь попытался вставить Ян.

– Замолчи! – закричала на него девушка. – Говорить буду я!

– Тебе даже пикнуть не дают, бедняжка, – иронично бросил Корридон поляку.

– Мне нужно задать вам еще один вопрос, – отчеканила Жанна, повернувшись к Корридону, и ее глаза заблестели.

– Валяйте! Ну?

Она заколебалась, потом посмотрела на Ренли:

– Спроси его ты.

– Разумеется... Пожалуйста, покажите нам свою грудь и спину. Надеюсь, вам ясен смысл просьбы. Видите ли, мы не совсем уверены, что вы – Корридон. У нас в досье нет вашей фотографии. Зато известно, что у вас на спине и груди шрамы. А мы... мы хотим исключить всякую возможность ошибки.

Корридон собрался вставать. Достаточно!.. Его глаза потемнели от гнева, губы сжались в прямую бледную линию.

– Не шевелиться! – рявкнул Ян, угрожающе поведя пистолетом. – Одно движение – и я стреляю! Я очень хорошо стреляю: могу по очереди отстрелить вам все пальцы. Я не шучу!

Взяв себя в руки, Корридон осел в кресле.

– Думаете, я тут же стану перед вами обнажаться? – насмешливо спросил он. Ему хотелось позлить Яна. – Убирайтесь к чертовой матери!

Наступило напряженное молчание. Потом Ян сделал шаг вперед, но Ренли схватил его за запястье.

– Довольно! – прикрикнул англичанин. – Все неправильно! Иди карауль Крю! Иди, тебе говорят!

Ян рассвирепел.

– Мы теряем время! – яростно заорал он. – Позвольте мне действовать! Этот тип расселся в кресле и издевается над нами! Дайте мне три минуты, и я отучу его смеяться!

– Болван! – презрительно закричала Жанна. – Это ты-то – после того, что с ним сделало гестапо? Ты?!

Поляк круто повернулся к ней. Его губы судорожно подергивались.

– Все это пустая болтовня, – начал он срывающимся голосом.

Больше он ничего не сказал. Корридон выскочил из кресла, вырвал у Яна пистолет и сильно ударил его по голове. Двое остальных не успели даже пошевелиться. Ян, шатаясь, сделал несколько шагов, уткнулся в стену и медленно сполз на пол. Жанна и Ренли молча смотрели на Корридона.

– Он прав! Довольно болтовни! Я сыт по горло. – Зловеще улыбаясь, Корридон сунул маузер в карман плаща и нагнулся за своей шляпой. – Честное слово, был момент, когда я боялся, что потеряю самообладание, – продолжил он. – Все, счастливо. Советую вам больше не встречаться мне на пути. В следующий раз я буду менее вежлив.

– Красивая работа, – восхищенно произнес Ренли. Он повернулся к Яну, который, потирая голову, с трудом пытался встать на ноги. – Иди займись Крю. Ты уже достаточно натворил глупостей.

Не говоря ни слова, Ян прошел в соседнюю комнату и с треском захлопнул за собой дверь. Корридон тоже направился было к выходу, когда вновь заговорил Ренли:

– Я должен извиниться перед вами, мы вели себя неправильно. И все же, может, потолкуем как деловые люди?

Корридон бросил взгляд через плечо:

– Вряд ли мы найдем общий язык.

– Жаль, – сказал Ренли. – Мы нуждаемся в вашей помощи и готовы как следует заплатить. Тысяча фунтов – это серьезно. Будьте благоразумны, по крайней мере, хоть выслушайте меня. Ян – дурак. Он воображает, будто с помощью пистолета можно добиться всего. Я возражал с самого начала... Ну что мне сделать, чтобы убедить вас?

Корридон широко улыбнулся:

– Ладно, уговорили. – Он присел на подлокотник кресла, держа шляпу в руке и всем видом показывая, что готов уйти в любой момент. – О какой помощи речь?

– Нам надо удостовериться, что вы действительно Корридон, – быстро встала Жанна. – Это крайне важно.

– Разумеется, – подтвердил Ренли. – Видите ли, если мы ошибаемся на ваш счет и будем говорить откровенно, нам грозят большие неприятности. Дело сугубо конфиденциальное. Один раз мы уже ошиблись. Этот тип, Крю, украл у меня бумажник с документами и решил нас шантажировать. Мы с огромным трудом его разыскали, и теперь пришлось вот расположиться здесь, чтобы не выпускать его из виду. До сих пор не знаем, что с ним делать... Если вы действительно Корридон, то у вас на груди должны быть шрамы – следы работы гестапо.

Корридон выпустил из ноздрей струйку дыма, потом пожал плечами, снял пиджак, вынул запонки из манжет рубашки и закатал рукава. Кисть каждой руки, немного повыше запястья, опоясывал широкий белый шрам.

– По вечерам на меня надевали наручники, – пояснил он мрачным голосом. – И нагревали их, чтобы мне не было холодно... Этого достаточно?

Мужчина и женщина хладнокровно смотрели на шрамы – без жалости, без ужаса, а просто с любопытством.

– В гестапо не страдали избытком воображения, – заметил Ренли, дотрагиваясь до шрама на своем лице. – Мне это сделали раскаленным штыком.

Корридон бросил на него внимательный взгляд:

– Вы тоже получили от них свою порцию?

– О, и я, и Жанна!.. Все верно, – сказал Ренли, обращаясь к девушке. – Это действительно он. На шраме отпечатались марка наручников.

– Хорошо, – произнесла Жанна. – В таком случае мы можем поговорить.

Ренли отошел от Корридона, взял из ящичка на камине сигарету и закурил.

– Дело необычное, – начал он, глядя на тлеющий кончик своей сигареты. – И очень опасное. Я не знаю никого, кто смог бы выполнить его лучше, чем вы. Мы сами уже пробовали, но тщетно. Если вы откажетесь, просто не представляю, кто этим займется.

– Так в чем же все-таки дело? – резко спросил Корридон.

– Нужно найти и уничтожить одного человека, – ответил Ренли. – И мы хотим поручить это вам.

Глава третья

I

«Вам заплатят тысячу фунтов. Половину сразу, половину после окончания работы».

Пока Корридон, сидя в кресле, слушал Ренли, эта фраза не переставала звучать в его ушах. «Половину сразу, половину после окончания работы...» Всякий раз разговор о рискованном деле начинался именно так. Репутацию удачливого исполнителя опасных операций Корридон завоевал себе без труда. Несколько преувеличенные слухи о его подвигах во время войны заставляли людей думать, что он сорвиголова, которому море по колено. К нему обращались те, кто боялся рисковать своей собственной шкурой... У каждого от денег оттопыривались карманы и одинаково блестяли глаза – маленькие глаза, похожие на пуговицы. Он слушал этих типов с таким же вниманием, как слушал сейчас Ренли, торговался с ними, поднимая цену, объяснял план будущих действий. Они по секрету доверяли ему свои тайны, делились своими страхами и радовались, что нашли верного человека – сильного, ни перед чем не останавливающегося, презирающего опасность. И все попадали под его обаяние, покупались на прямую и открытую манеру поведения и доверчиво выплачивали аванс... Понимание пришло позже, когда день или два спустя Корридон как бы случайно находил клиента и спокойно заявлял, что он передумал и советует найти другого исполнителя или вовсе отказаться от дела. Некоторые храбрились и требовали деньги назад, но под холодным жестким взглядом теряли уверенность и делали вид, что шутят. Корридон отвечал всегда одно и то же: «Можете на меня жаловаться» – и не спеша уходил, засунув руки в карманы, надвинув шляпу на глаза, насмешливо улыбаясь.

«Половину сразу, половину после окончания работы...» Такого рода доходы позволяли ему недурно жить. И, слушая Ренли, он думал, почему бы и этому предложению не разделить участь предыдущих.

Только предложение, которое ему сейчас делали, не было похоже на предыдущие. И эти трое не были похожи на тех, кто прибегал к его услугам раньше.

Ренли обратился к Жанне:

– Думаю, лучше мне продолжить одному. Но если хочешь остаться...

Девушка вышла, даже не взглянув на Корридона, и тот, к своему удивлению, почувствовал, что комната с ее уходом опустела.

Ренли достал из шкафа бутылку виски и два стакана.

– Немного рановато, но тем не менее выпьем.

Он плеснул в стаканы и протянул один Корридону.

– Когда Жанны нет, я могу говорить свободно. В сущности, эта история выглядит бредовой... За ваше здоровье, – добавил он, поднимая стакан.

Корридон кивнул и сделал глоток. Если удастся вытащить из Ренли пятьсот фунтов, можно будет оплатить операцию для Эффи... У него потеплело на душе при мысли о том, как она обрадуется. Надо хорошо сыграть свою роль, и тогда есть шанс выйти из этой комнаты с деньгами в кармане.

– Да, необычная история, будто из книги, – задумчиво повторил Ренли. – Трудно представить себе, что она произошла в действительности. Между тем... Вам не показалось, что Жанна немного странная?

– Вы все такие, – холодно ответил Корридон. – Забавная троица. Секретное общество, что ли?

– Что-то в этом роде, – улыбнулся Ренли. – Вы отлично поймете нас – сами прошли через это. Потому мы и решили обратиться к вам. Знаем, вы нас не выдадите, даже если не согласитесь помочь.

– Не выдам, – подтвердил Корридон. – Но вовсе не обязательно приму вашу работу. Ближе к делу.

– Конечно. – Ренли помолчал немного, потом продолжил: – Мы трое – это все, что осталось от небольшой группы людей, которые участвовали во французском Сопротивлении. Вначале нас было девять: два француза – Пьер Гурвиль и Жорж, две француженки – Жанна и Шарлотта, два поляка – Ян и Любиш, и трое англичан – Гаррис, Мэллори и я.

– Понятно, – буркнул Корридон.

Такие небольшие группки были ему хорошо знакомы. Во время войны он часто по долгу службы имел дело с горстками патриотов, действующих самостоятельно и почти фанатично.

– В основном мы пускали под откос поезда, – рассказывал Ренли. – Нам постоянно приходилось менять места, прятаться днем и выходить на операции по ночам. Мы проделывали чертовски сложную и трудную работу.

Его единственный глаз зажегся лихорадочным блеском.

– Нашим командиром был Пьер Гурвиль, человек необычайно отважный и сообразительный. Замечательный человек... Я не стану утруждать вас мелочами. Скажу только, что ради него мы были готовы на все, а без него ничего не смогли бы сделать. Он отлично разбирался в людях, знал, кому что поручить и как оптимально использовать наши возможности. Он вдохновлял нас на самопожертвование... Жанна и Гурвиль любили друг друга, – тихо продолжал Ренли. – Они составляли единое целое, если можно так выразиться. Это была не просто любовь, а нечто большее: слияние двух умов, двух сердец, двух душ.

Он посмотрел на свой стакан и нахмурил брови.

– Из меня плохой рассказчик, но вы должны понять, это очень важно. Они жили друг для друга... И друг для друга, не раздумывая, умерли бы. Трудно передать...

– Ладно, ладно, – пробормотал Корридон, пытаясь скрыть свое нетерпение. – Ну а потом, очевидно, кто-то из вас предал этого Гурвиля?

Ренли бросил на него пронзительный взгляд.

– Конечно, вам все равно, вы ведь не знали Пьера. Но в общих чертах... да, именно так.

Корридон допил виски. Теперь ему было ясно, о чем пойдет речь. Предательство не чудо на белом свете.

– Ну а я-то чем смогу вам помочь?

– Сейчас объясню, – ответил Ренли. – Буду, насколько могу, краток. Жанна, Мэллори и я попались. Мы отправились на задание и по собственной ошибке были схвачены. Не стану докучать вам подробностями. В гестапо знали, что мы из группы Гурвиля. Нас допрашивали. Но интересовались они только Пьером, так как, пока он оставался на свободе, поезда шли под откос. Жанна и Мэллори присутствовали на моем допросе. – Он поднес руку к шраму и посмотрел на Корридона с честной улыбкой. – Я не продемонстрировал особого мужества. Я даже кричал, когда не мог перенести боль...

– Ничего удивительного, – вставил Корридон, нервно усмехнувшись.

– Да... Гестаповцы хотели знать, где скрывается Пьер, но мне удалось вытерпеть все... Наконец они устали. Надо сказать, что я был не в лучшей форме. Тогда они занялись Жанной. Я не сомневался, что от нее им ничего не добиться, но они думали иначе и старались вовсю. А потом вновь взялись за меня. Я потерял сознание... Позже Жанна рассказала мне, что произошло. – Неожиданно он встал и стал ходить по комнате. – Не могу понять!.. Мэллори раскололся. Не успели они за него взяться, как он заявил, что скажет все.

Взбурдаженный воспоминаниями, минуту-другую Ренли нервно мерил шагами комнату. Его лицо выражало адскую муку.

– Мне выкололи глаз, а рука была в таком плачевном состоянии, что ее пришлось ампутировать. Что касается Жанны... Сами понимаете, что с ней вытворяли. Сколько же мы вынесли – и, подумать только, зря.

Он подошел к окну и посмотрел на улицу.

– Когда со всем этим было покончено, нас троих поместили в одну камеру. Я сходил с ума от боли, у Жанны шла кровь. Мэллори держался в стороне и выглядел спокойным... Жанна буквально бросалась на него! Она плакала, кричала, поносила его последними словами. Мэллори же только раз открыл рот, чтобы сказать: «Ну неужели вы не понимаете, идиоты! Они бы мучили нас до тех пор, пока кто-нибудь не заговорил. Пьер поймет – это превратности войны».

Корридон слушал вполуха. Он раздумывал. Пятьсот фунтов! А может, и больше. Надо поторговаться. Да, почему бы не поднять цену?

II

– Вы должны знать кое-что о Мэллори, – продолжал Ренли, снова наполняя стаканы. Корридон заметил, что его рука дрожит. – Брайан Мэллори был пилотом и попал к нам, совершив побег из лагеря для военнопленных. Парень – выше всяких похвал. Красивый, решительный, неунывающий, до войны, как видно, хорошо обеспеченный... К нему сразу возникало доверие. Он совершил сказочный побег, убив двух часовых, неделями спасаясь от преследования... Пьер не раз говорил, что Брайан – лучший член нашей группы, а Пьер понимал толк в людях. Мэллори был очень отважен и, будто смеясь, ходил на самые рискованные операции. Мы считали его твердым и верным человеком.

– Я встречал немало таких типов, – заметил Корридон. – Они великолепно держатся, пока не запахнет жареным. Тогда они буквально преображаются – нет внутреннего стержня.

– Этого нельзя сказать о Мэллори, – возразил Ренли, – его хватали раз десять, и всегда ему удавалось выпутаться. Один бог знает, что с ним случилось в ту ночь. Хотел бы я понять... Он выдал убежище Пьера, а с ним там были Шарлотта и Жорж. К счастью, Любиш, Гаррис и Ян отсутствовали на задании. Однако Мэллори дал гестаповцам их подробное описание. Он выложил все, что знал.

– Когда это было?

– Приблизительно полтора года назад. О, мы долго не могли решиться. Кроме того, мешали и другие обстоятельства: к примеру, не хватало денег. В какой-то момент казалось даже, что ничего у нас не выйдет, но в конце концов все утряслось.

– Гурвиля взяли?

– Да. Жорж и Шарлотта были убиты во время перестрелки, но Пьер, к сожалению, достался им живым. Он умер после двух недель пыток.

– Что случилось с вами?

– Нам повезло. На тюрьму упала бомба. Удалось бежать из руин...

– А Мэллори?

– Он тоже убежал. Причем первый – мы были слишком слабы, чтобы поспеть за ним.

– И теперь вы хотите его прикончить?

– Да. Жанна очень долго болела. Она чуть не лишилась рассудка, и спасла ее лишь жажда мести, желание найти Мэллори. Мы поклялись поквитаться с ним и своего добьемся. Любой ценой. Это дело чести.

– Но какова моя роль? – поинтересовался Корридон, с удовольствием вытягивая свои длинные ноги.

– Это я предложил вас нанять, – признался Ренли. – Мои товарищи согласились, однако до конца вам не доверяют. Видите ли, Ян был мужем Шарлотты, и у него, как и у Жанны, есть личные причины для поисков Мэллори. Мое положение не такое, но я связан с ними словом.

– А где двое других?

– Они погибли, – спокойно ответил Ренли. – Мэллори убил их на прошлой неделе.

Глаза Корридона зажглись неожиданным интересом.

– На прошлой неделе? Вы хотите сказать, здесь... в Лондоне?

– Да. – Ренли вновь стал мерить комнату шагами. – Мы недооценили Мэллори. Знали, что найти его будет трудно, но считали, что впятером-то уж справимся. Брайан – первоклассный стрелок, силен, быстр, опасен, как тигр. И охота на людей ему знакома. Но и мы не новички в этом деле; кроме того, нас было пятеро... Теперь в успехе приходится сомневаться. Нас осталось лишь трое, где Мэллори – неизвестно. Гаррис получил кое-какие сведения, пошел по указанному адресу и не вернулся; его труп вытащили из какого-то пруда в Уимблдоне. Хотя ничего нельзя доказать, мы-то знаем, что убийство – дело рук Мэллори. Любиш также напал на

след. Его тело было найдено на железнодорожном полотне, обезображенное поездом. Смерть в результате несчастного случая, по мнению полиции... После этого я уговорил Жанну проявить благоразумие. Нам требуется помощь постороннего. Мэллори знает, что мы хотим его смерти. Он защищается и пока что выигрывает. Теперь нужно, чтобы за ним охотился кто-нибудь ему неизвестный. Мы навели справки и вышли на вас. Найдите его, остальное – за нами. Однако предупреждаю: если хотите победить, нужно действовать быстро. Мэллори может не дать вам возможности связаться с нами, и вам самому придется вступить с ним в бой. Поэтому мы платим тысячу фунтов.

– Значит, речь идет об убийстве? – сказал Корридон с вежливым интересом. – Вы отдаете себе в этом отчет?

– А вы, казнив Марию Гауптман и других предателей, считаете себя убийцей? – тихо спросил Ренли.

– Нет. И знаете, в чем разница? То были узаконенные убийства. А если я кого-нибудь убью сейчас, меня арестуют, будут судить и, скорее всего, повесят.

– Можно представить это несчастным случаем или самоубийством, – сказал Ренли. – Как поступил Мэллори, избавившись от наших товарищей.

Корридон глотнул виски. Он делал вид, что раздумывает. На самом деле решение было принято давно.

– Теперь взглянем на проблему с моей стороны, – произнес он. – Вы хотите, чтобы я таскал для вас каштаны из огня. Лично у меня против этого типа ничего нет. Такие люди встречаются часто. Стрелять в человека на войне и стрелять теперь – это разные вещи.

Ренли, нахмурившись, потушил сигарету. Глубокие морщины прорезали его лоб и сошлись над переносицей.

– Не будем ходить кругами, – проговорил он неожиданно резким голосом. – Да или нет?

– Только не за тысячу фунтов.

Ренли просветлел.

– Значит...

– Значит, я готов выполнить все, что угодно, – оборвал его Корридон, – но за разумную сумму. Вы хотите, чтобы я рисковал своей жизнью. Тысячи для этого мало. Никто не даст гарантии, что Мэллори не перехитрит меня и я не разделю участь тех двоих. Или другой вариант: мне все удастся, но я допускаю ошибку; тогда меня ждет веревка.

– Понимаю. В сущности вы правы. Жаль, что мы не богаты, – наивно сказал Ренли. – При всех обстоятельствах больше полутора тысяч мы заплатить не можем. Да и то сами останемся на мели.

У однорукого англичанина было открытое честное лицо, и Корридон понимал, что он говорит правду. Спор ни к чему не приведет. Торг закончился, так и не успев по-настоящему начаться.

Корридон подумал немного, потом пожал плечами:

– Хорошо, согласен на полторы тысячи. Откровенно говоря, мне хотелось вытянуть из вас больше.

– Увы! – смеясь, ответил Ренли. – Практически это все, что у нас есть. Поэтому я и выложил карты на стол. Мне еще нужно посоветоваться с остальными – вдруг не согласятся?

– Что ж, советуйтесь. И учтите: половину суммы сейчас, половину после окончания работы, – сказал Корридон, с трудом удерживаясь от улыбки.

III

Вошел Крю – Ренли выгнал его из комнаты, чтобы он не мешал разговору с Яном и Жанной. При виде смотревшего на него с ухмылкой Корридона, небрежно развалившегося в его кресле, он остановился в нерешительности.

– Ты бы лучше сел... И перестань трястись, – сказал ему Корридон. – Меня попросили присмотреть за тобой.

– Что они собираются делать? – скороговоркой пробормотал Крю. В его глазах затаился ужас. – Что они собираются со мной делать, не знаешь? Ты тоже участвуешь в их игре?

Корридон закурил сигарету и выпустил в Крю облако дыма.

– Может, и участвую... У меня нет ни малейшего представления, что с тобой собираются делать. Да мне и плевать. Ты, видно, спятил, раз хотел их шантажировать.

– Да, – согласился Крю, вздрогнув. – Но я же их не знал. Эта девица способна на все. – Он кинул боязливый взгляд на дверь. – По-моему, она сошла с ума.

– Иностранцы, конечно, непредсказуемы, но я не делал бы столь далекоидущих выводов.

– Вот уже четыре дня, как они сидят здесь, – проговорил Крю, сжимая и разжимая кулаки. – Я под постоянным надзором, не могу и шага ступить. Словно в тюрьме. Просто невыносимо.

– Не нужно было лезть в их карманы.

Крю отшатнулся, его лицо залилось краской.

– Они тебе рассказали, да? Я остался без денег, – начал оправдываться он. – А у них вообще нет права находиться в нашей стране! Их документы не в порядке. Я... я хотел лишь пятьдесят фунтов.

– Лучше бы ты оставил их в покое, – назидательно сказал Корридон, которому до смерти надоело ныть. – На меня можешь не рассчитывать, я тут ни при чем. Ты сам напросился на неприятности.

– Думаешь...

Крю не закончил фразу, боясь сформулировать мысль, которая терзала его на протяжении сорока восьми часов. Он бросил на Корридона отчаянный взгляд и забегал по комнате.

– У меня совсем расшатались нервы. Если бы я знал, чего они хотят! Они ведь не собираются... – Он вновь остановился, закусил губу и внимательно посмотрел на Корридона. – Они не доверяют мне, вот что меня тревожит! Чего они боятся? Я дал им слово и даже предложил поклясться на Библии.

– У тебя в доме есть Библия? – насмешливо спросил Корридон.

– Нет, но они могли бы купить ее, – с серьезным видом ответил Крю. – Я оплатил бы этот расход... – Его голос дрогнул. – Мне не доверяют! Что делать?!

Корридон с трудом удержался от зевка.

– Можешь плеснуть мне еще немного виски... Между прочим, это твоя бутылка или их?

– Просто невероятно! – продолжал Крю, делая вид, будто не слышит вопроса. – Надо же влипнуть в такую историю! Я и не думал, что все может так кончиться. Они хотят пришить какого-то Мэллори. – Нервный тик передернул его щеку. – Это убийство, но им плевать. И девица еще похлеще тех двоих. Тебе не кажется, что она похожа на гранит?... Я никогда таких не встречал. – Крю резко повернулся и заломил руки. – Не могу отделаться от мысли, что они хотят меня убить, – простонал он. – Понимаю, глупо так думать, но я представляю себя на их месте... Они собираются убить Мэллори, так почему бы им не убить и меня?

Крю стремительно подошел к Корридону.

– Не могу больше спать, нервы ни к черту, – пожаловался он, судорожно дыша.

– Лучше выпей со мной, – сказал Корридон, вставая. – Посмотри, на кого ты похож.

– Думаешь, мне конец? – спросил Крю, вытирая лоб скомканным грязным платком. – Этот безумный поляк... Он все время так на меня смотрит, будто собирается стереть меня в порошок!

Корридон налил изрядную порцию виски, добавил немного содовой и сунул стакан в руку Крю.

– Не будь идиотом, – проговорил он. – Успокойся. Ничего с тобой не случится.

Стакан застучал о зубы Крю.

– Хотел бы я быть в этом уверен, – вздохнул Крю, залпом выпив виски. – Если так будет продолжаться, я сойду с ума. Они все время смотрят на меня. А она... она хуже всех. Бешеная. Ты не представляешь...

Вошли Ренли и Жанна. Крю испуганно попятился.

– Не откажите в любезности, составьте компанию Яну, – произнес Ренли спокойным голосом. – Поверьте, мне искренне жаль часто вас беспокоить, но ведь есть в этом доля и вашей вины, не так ли?

– Нет, я отказываюсь! – заорал Крю, отступая назад. – С меня довольно! Вы не имеете права! Убирайтесь!.. Уходите отсюда, умоляю вас!

На его глазах выступили слезы, и в это время в комнату вошел Ян.

– Идем, – сказал он.

Обессиленный Крю, словно автомат, медленно побрел через комнату. Ян последовал за ним и закрыл за собой дверь.

IV

– Он уверен, что вы собираетесь его прикончить, – насмешливо произнес Корридон. – Вероятно, заморочил себе голову полицейскими романами.

– Мы решили выплатить требуемую вами сумму, – проговорила Жанна, будто не слыша предыдущей реплики.

Удивленный и несколько сбитый с толку, Корридон забыл про Крю. Он ожидал долгой торговли.

– Половину сейчас и половину после окончания работы?

– Да, – ответила девушка.

Корридону почудилось что-то неладное, и сразу же проснулись подозрения: уж больно все гладко. Вероятно, где-то расставлена ловушка. Или он переоценил противника?.. Корридон замер в кресле, поглаживая свой стакан и не сводя глаз с Жанны.

Девушка стояла посреди комнаты, засунув руки в карманы брюк; ее лицо было непроницаемым. Ренли отрешенно глядел в окно.

– Отлично, – сказал Корридон. – Теперь выкладывайте подробности, и я займусь делом. Мне понадобится фотография или хорошее описание этого парня. Вы знаете, где он может находиться?

– Боюсь, что фотографии у нас нет, – ответил, поворачиваясь, Ренли. – Зато есть точное описание. Что касается его местонахождения... В наших руках две нити; Гаррис и Любиш воспользовались ими и в конечном итоге нашли Мэллори. Вам придется сделать то же самое. Только советую проявлять предельную осторожность, а не то как бы вам не разделить их участь.

Корридон широко улыбнулся. Пока Ренли говорил, он все время чувствовал на себе взгляд Жанны. Настороженность этого взгляда заставляла его быть начеку.

– Обещаю. Итак, что же это за нити?

– Сперва нам казалось, что найти Мэллори будет нетрудно. Однако он тщательно замел все следы. Мы пытались вспомнить подробности наших с ним бесед, но он очень мало рассказывал о себе. Мы знаем лишь адрес тетки Мэллори, который он дал нам на случай своей смерти, и имя его подружки. Его тетка живет в Букингемшире, около Уэндовера. Любиш поехал, чтобы повидаться с этой женщиной... и остался на рельсах между Уэндовером и Грейт-Миссенден. Похоже, в то время, когда к ней пришел Любиш, там находился Мэллори. Что касается его подружки, то ее зовут Рита Аллен и работает она в универмаге на Риджент-стрит, в галантерейном отделе. К ней приходил Гаррис – и на следующий день его нашли в пруду в районе Уимблдона. Возможно, она живет где-то там рядом. Вот те две нити, которыми мы располагаем. И вам придется ими воспользоваться.

– В надежде, что хоть одна из них приведет меня к этому парню, – закончил Корридон. Он допил виски и поставил стакан на стол. – Хорошо. Посмотрим, что можно сделать. Я буду держать вас в курсе событий.

– Мы еще не знаем, останемся здесь или нет, – сказал Ренли. – Видно будет... – Он кинул быстрый взгляд на Жанну. – Зато мы знаем, где найти вас. Не бойтесь потерять с нами связь, – добавил он со смехом. – Это вам не удастся, даже если вы очень захотите.

Намек был совершенно ясен, и никакая улыбка не могла скрыть таившуюся в нем угрозу.

Корридон рассмеялся:

– О, я не собираюсь спасаться бегством!.. – И, поднявшись, добавил с напускным энтузиазмом: – Пора идти. Дело кажется интересным. Надеюсь, я вас не разочарую. – Он сунул руку в карман плаща и вытащил маузер. Жанна и Ренли окаменели при виде оружия, но заметно

успокоились, когда Корридон положил пистолет на стол. – Оставляю его вам. Вдруг пригодится вашему приятелю в берете. А у меня есть свой собственный.

Ни Жанна, ни Ренли не сказали ни слова.

– Давайте описание этого парня.

Ренли вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт.

– Здесь все, что надо.

– Все? Деньги тоже? – с улыбкой поинтересовался Корридон. Он ощупал конверт и покачал головой. – Денег нет! Мы ведь ясно договорились: половина сейчас, не так ли?

Жанна вытащила из шкафа старый кожаный портфель.

– Вы согласны дать нам расписку?

– Что-что? – переспросил Корридон, думая, что ослышался.

– Вы согласны дать нам расписку? – повторила девушка невозмутимым голосом.

– Ну разумеется!

Корридон был потрясен подобной наивностью. Эти люди не имеют права находиться в стране, их документы не в порядке. И тем не менее они надеются на какую-то расписку...

Ренли протянул ему листок бумаги и ручку.

– А деньги? – напомнил Корридон. – Вы не могли бы положить их на стол? Я, конечно, вам доверяю, но дело есть дело, не так ли?

Жанна бросила на стол три пачки купюр и замерла, касаясь пальцами рукоятки маузера, готовая выстрелить при первом подозрительном движении. Корридон выдвинул стул и сел.

– Если бы я хотел обмануть вас, то не отдавал бы пистолет, правда?

– Пересчитайте деньги, – сухо сказала она.

– Только не надо одолжений, вы сами просили меня согласиться, – подчеркнул Корридон, уязвленный презрением, сквозившим в ее взгляде. – Не я вас искал. Надеюсь, вам ясно, что всякая работа должна быть оплачена?

– Пересчитайте деньги! – еще холоднее отчеканила Жанна, и в ее глазах вспыхнул огонек.

Пожав плечами, Корридон быстро проверил деньги.

– Все точно, – сказал он, расписываясь на листке бумаги. Потом сунул деньги в портфель, зажал его под мышкой и встал. – Не встретиться ли нам завтра вечером в «Аметисте»? К тому времени будут какие-нибудь новости.

– Хорошо, – напряженно проговорил Ренли. – Мы рассчитываем на быструю работу. Для нас эти деньги много значат.

– Представьте себе, для меня тоже, – парировал Корридон, не сумев скрыть усмешки.

– Мы полагаемся на вашу честность, – напомнил Ренли.

– Конечно, – сказал Корридон, – но это не помешало вам взять у меня расписку, – добавил он, взглянув на Жанну.

Девушка молча и пристально смотрела на него. Ее большие темные глаза были задумчивы, губы плотно сжаты.

– До встречи.

Они не шевельнулись. Корридон сделал несколько шагов и у самой двери обернулся. Ренли убирал расписку, Жанна застыла у стола, держа руку возле пистолета. Атмосфера стояла напряженная, но, для того чтобы напугать Корридона, этого было мало. Деньги у него в руках!.. Все получилось до нелепости просто и, как никогда, легко. Естественно, когда эти люди прозреют, они начнут ему угрожать, но Корридон привык к угрозам и был уверен, что дальше дело не пойдет. И Ян со своим маузером не пугал его. Если эта тройца окажется слишком надоедлива, стоит только шепнуть несколько слов Зани, и все будет в порядке. Зани с радостью передаст информацию полиции, особенно такую, которая не касается его клиентов. Он преподнесет их Зани как на тарелочке.

– Итак, до свидания, – повторил Корридон и через маленькую прихожую вышел на лестницу.

Семьсот пятьдесят фунтов! Теперь операция для Эффи обеспечена.

Пожилой торговец занимался оформлением витрины лавки: толстыми неуклюжими пальцами старался воздвигнуть пирамиду из сигаретных пачек. Он поднял голову, и его взгляд встретился со взглядом Корридона. Проходя мимо, Корридон подмигнул ему.

Глава четвертая

I

Корридон никогда не жил подолгу на одном месте и поэтому не мог похвалиться уютным гнездышком. После возвращения в Лондон он занимал трехкомнатную квартиру над гаражом, расположенным позади больницы Святого Георгия. Квартиру он снял с мебелью, чистоту и порядок поддерживала приходящая каждый день прислуга, а питался он всегда вне дома, так что маленькой, скудно обставленной кухонькой практически не пользовался.

В комнатах было темно и сыро, постоянный грохот машин, лай собак и другие уличные шумы не утихали ни на минуту, не давали сосредоточиться. Окно спальни, тоже темной и сырой, выходило на высокую, загораживающую свет стену. Но отсутствие покоя и уюта мало тревожило Корридона: он просто не замечал своего окружения. Квартира – это место, где спят; как таковая, она отвечала своему назначению и, кроме того, имела определенные преимущества: находилась неподалеку от Уэст-Энда, все ее окна были забраны решетками, а прочная дубовая дверь запиралась на тяжелый засов. Все остальные помещения дома занимали различные конторы. В шесть вечера служащие уходили, и до девяти утра Корридон оставался один, как в крепости, вдали от назойливых и любопытствующих ушей.

Корридон вернулся домой раньше, чем обычно. Он пообедал в маленьком ресторанчике, дошел не спеша по Пикадилли до площади Гайд-парк-Корнер и оказался у себя немногим раньше девяти. Отпирая дверь, он услышал перезвон Большого Бена и остановился, чтобы посчитать удары. Эти звуки неизменно будили в нем ностальгические чувства, вызывая в памяти военную Францию: укрывшись в каком-нибудь потайном месте, он слушал девятичасовой выпуск новостей из Лондона и успокаивал себя мыслью о том, что Большой Бен на месте и будет на месте завтра...

Когда прозвучал последний удар часов, Корридон вошел в квартиру, запер дверь на ключ и засов, включил свет и поднялся по крутой лестнице в гостиную. Сырой затхлый воздух и стерильная чистота напоминали приемную в лечебнице для неимущих.

Прежде чем снять плащ, Корридон опорожнил карманы и обнаружил конверт, который дал ему Ренли; он совсем забыл о нем. Корридон небрежно расправил конверт, прошел в спальню, зажег свет, закурил и повалился на кровать, с удовольствием вытянув ноги. Удачный день – семьсот пятьдесят фунтов!.. Он отнес эти деньги в банк – кассир еще бросил на него удивленный взгляд, – а потом отправился в некий симпатичный домик в фешенебельном районе Кенсингтон, где жил хирург, специалист по пластическим операциям, у которого он лечился после гестапо. И рассказал об Эффи. «Мне плевать, сколько это будет стоить, доктор. Только сделайте». Хирург согласился.

Корридон позвонил Эффи, сообщил о назначенном приеме у врача и торопливо повесил трубку, стесняясь выслушивать восторженные благодарности.

Еще он встретился с одним человеком в Уайтчепеле и с другим человеком на Балхем-Хай-стрит, и два маленьких пакета, тайком привезенные из Америки в подкладке плаща, перешли из рук в руки. На автобусе вернулся в Уэст-Энд, пообедал и пошел к себе. Теперь, лежа на постели и устремив глаза в потолок, он чувствовал себя удовлетворенным.

В тиши комнаты, за надежными стальными решетками, Корридон вспомнил вдруг о Жанне Персиньи. Интересно, что она сейчас делает?.. Завтра вечером в клубе он скажет ей, что не намерен браться за эту работу. Можно вообразить их реакцию! В глазах Жанны вспыхнут презрение и ярость. Ренли смутится, как человек, случайно уличивший друга в неприличном поступке. Ян схватится за маузер...

Корридон криво усмехнулся: пускай судятся! Что они могут?..

Он вспомнил про конверт Ренли, открыл его и стал рассеянно читать машинописный текст. Ему было неинтересно. Ну кто такой Мэллори? Ничего не значащее имя... Корридон читал от скуки – надо же чем-то заняться перед сном.

«Брайан Мэллори. Родился 4 февраля 1916 года. Рост – метр восемьдесят шесть. Вес – восемьдесят пять килограммов. Волосы темно-каштановые, глаза карие, кожа светлая.

Особые приметы: голос – вследствие ранения во время бегства из лагеря – тихий, сдавленный. Не в состоянии кричать, но говорит отчетливо и ясно.

Привычки: когда злится, имеет обыкновение бить правым кулаком в ладонь левой руки. Когда доволен, потирает руки. Сигарету держит всегда между большим и указательным пальцами. Спички зажигает о ноготь большого пальца. Гордится своей невозмутимостью, смеется и улыбается редко».

Корридон нетерпеливо хмыкнул и заглянул наугад на следующую страницу.

«Единственная родственница – тетка, мисс Хильда Мэллори, воспитывала его с четырехлетнего возраста, после смерти матери. С отцом отношения были плохие, встречались редко. Тем не менее отец сделал его своим наследником и оставил большое состояние...»

Корридон зевнул и, скомкав листки, бросил их в угол комнаты.

«Надо раздеться и лечь по-настоящему», – подумал он, закрывая глаза. Прошло несколько минут. Он не шевелился. Его лицо постепенно разгладилось и утратило выражение жестокости. Корридон заснул.

II

Ему снилось, что на краю постели, сложив на коленях изящные белые руки, сидит Мария Гауптман. Ее лицо разбито и окровавлено – как тогда, когда она лежала мертвая у его ног. Она пытается что-то сказать, но от ее головы остались лишь широко раскрытые глаза над зияющим провалом с несколькими торчащими зубами. И все же он твердо знает: она пытается что-то сказать.

Не первый раз ему снился этот сон, и всегда у него складывалось впечатление, что Мария собирается сказать что-то очень важное... Но она ничего не говорила – просто сидела на постели, вселяя в его сердце ужас; сидела и не уходила.

Корридон проснулся от стука в дверь. Он оторвал голову от подушки, чувствуя, как ноют челюсти – опять во сне скрипел зубами, – и прислушался. Когда стук повторился, он бесшумно скользнул в гостиную, не зажигая света, отодвинул занавески и выглянул в окно. Она едва виднелась в лунном свете – стояла все в тех же черных брюках и черном свитере, засунув руки в карманы, с непокрытой головой, с сигаретой в губах.

Корридон застыл на миг, не сводя с нее глаз, потом включил свет и спустился по лестнице. Он понятия не имел о причинах столь позднего визита, но открыл дверь, не колеблясь.

– Входите. Вы одна?

– Да, – ответила Жанна, ступив в маленькую прихожую.

– Поднимайтесь наверх, – сказал Корридон и закрыл дверь, но лишь после того, как выглянул во тьму и убедился, что Ян или Ренли не прячутся в тени поблизости.

Жанна поднималась по лестнице, а он следовал за ней, глядя на ее прямую спину, на покачивающиеся бедра. Девушка вошла в гостиную и остановилась возле камина.

– Что привело вас сюда в такой поздний час? – спросил Корридон с порога. – Я уж собирался лечь – плохо выспался прошлой ночью.

Она отвела от него взгляд и стала рассматривать комнату – ничего не упуская, впитывая каждую деталь. Наблюдая за ней, Корридон впервые обратил внимание на убогую скудость обстановки: на потертый ковер, кресло с выпирающей пружиной, старый, с пятнами, стол...

– Выпьете немного? – резко спросил он, сняв с полки бутылку джина. – Где-то должен быть и вермут.

Корридон скрылся на кухне, раздраженный тем, что ему понадобился предлог уединиться, прийти в себя от ее тревожащего присутствия. Когда он, найдя вермут, вернулся в комнату, беспокойное чувство улеглось, но скованность и напряжение остались.

Жанна все так же стояла у камина – безмолвно, недвижно, настороженно. Насвистывая сквозь зубы нехитрый мотивчик, Корридон смешал коктейль и поставил на стол бокалы.

– Чувствуйте себя как дома. Эту дыру, конечно, трудно назвать домом, но лучшего у меня нет. – Он сел в кресло, и то затрепало под его тяжестью. – За ваше здоровье! – Корридон сделал глоток и поморщился. – Паршивый вермут, надо сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.